

Теория и методология

Об эволюции оценок совокупной национальной мощи государств

© 2015

Я. Бергер

Статья содержит краткий исторический обзор исследований по оценке совокупной национальной мощи (СНМ) ведущих государств мира. Особое внимание уделено трудам китайских аналитиков, чьи выводы служат важным подспорьем для разработки национальной стратегии развития. Рассматриваются современное состояние и прогнозируемая динамика важнейших компонентов СНМ — вооруженных сил и экономического роста Китая на перспективу, прежде всего, в свете конкуренции с США за региональное и глобальное первенство.

Ключевые слова: совокупная национальная мощь (СНМ), количественный анализ, «твердая» и «мягкая» сила, вооруженные силы, экономический рост, культурная притягательность.

История количественных оценок совокупной национальной мощи (СНМ) государств насчитывает более двух столетий. Однако до недавнего времени исследованиям в этом направлении изучения международных отношений недоставало известной связности, необходимой для восприятия его как целостного процесса с более или менее определенным вектором развития. В последние годы этот недостаток стал постепенно восполняться. Этому способствуют, с одной стороны, обширные и доступные базы первичных данных, необходимых для сравнительных международных исследований, а с другой — сводные и обзорные работы, которые позволяют лучше понять тенденции поступательного развития этого направления и существующие проблемы.

Обзорные работы по СНМ. Основательному разбору работ по количественному анализу национальной мощи посвящена специальная глава монографии Эшли Теллиса и его соавторов «Измерение национальной мощи в постиндустриальном веке»¹. Здесь, прежде всего, прослеживается эволюция самого понятия национальной мощи у разных авторов. Отмечается особое значение Ганса Моргентау, опубликовавшего свой труд «Политика среди наций» в 1948². Он считается «наиболее систематичным» из всех современных теоретиков, оказавшим влияние на многочисленных своих последователей. Описывая «элементы национальной мощи», он неизменно включает в их число географию, природные ресурсы, индустрию, готовность к войне (особенно - технологии, управление,

---

Бергер Яков Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».
E-mail: yakovberger@mail.ru.

количество и качество вооруженных сил), население, национальный характер, национальную мораль и качество дипломатии и правительства. При этом он настойчиво выступал против придания какому-либо из факторов чрезмерного значения.

Его предупреждение не остановило, однако, многочисленных попыток выразить мощь посредством одного агрегированного показателя. Чаще всего в этом качестве выступал тот или иной род вооруженных сил, к которому иногда присоединялись экономические индикаторы. Склонность к индикаторам с одной переменной объясняется их простотой и легкостью пользования. Но, несмотря на свою популярность, индикаторы с одной переменной часто подвергаются критике, особенно со стороны математически продвинутых исследователей. Поэтому со временем получили распространение многомерные подходы.

Самый ранний и наиболее влиятельный из них, по мнению Э. Теллиса, был разбит в 1956 г. Клаусом Кнорром в его классическом труде «Военный потенциал наций»³. Стремясь определить способность страны в случае войны выставить военную силу и обеспечить ее всем необходимым, Кнорр обратился к большому числу факторов, которые включают категории экономического потенциала, административной компетенции и мотивации на войну. Кнорр не предложил никакой модели, которая могла бы объединить эти факторы, тем не менее, его труд послужил основой для появления ряда теорий, которые впоследствии привели к альтернативным решениям. Они опирались на серию факторов, каждый из которых, в свою очередь, суммировал критерии, его определяющие.

Резюмируя традиционные подходы к измерению национальной мощи, Э. Теллис указывает на следующие характерные моменты. Во-первых, они стремятся установить иерархию стран по степени готовности к войне. Во-вторых, индексы отличаются по числу используемых переменных и их внутреннему соотношению. Они также различаются по числу оцениваемых стран, по периоду сопоставлений, по степени сложности употребляемых формул. В-третьих, большинство индексов включают только суммируемые элементы, т.е. материальные элементы, которые можно просто складывать в различных комбинациях, поскольку переменные, которыми определяют качественные свойства, такие как характеристики групп или элит, трудно использовать единообразным и системным образом. В-четвертых, большинство индексов сосредоточены на «стране» как единице анализа. Страна рассматривается как «вместилище ресурсов», обладающее измеримым содержанием, которое, будучи правильно идентифицировано и измерено, может способствовать уяснению внутренних потенций. За исключением индекса Клайна, который стремится оценить масштабы национальной интеграции и силу руководства, ни один традиционный подход не опускается «ниже» субнационального уровня, чтобы исследовать либо политические институты, либо идейный этос. В-пятых, большинство показателей являются валовыми. Такой характер носит даже измерение военного потенциала, где учитывается по преимуществу число специфических видов вооружения. Измеряемые активы и ресурсы приобрели свое значение в индустриальную эпоху, когда такие переменные, как производство металла или запасы продовольствия стали значить гораздо больше, чем прежде.

Рассматривая эти подходы в целом, Мерит и Зиннес сделали любопытные выводы. Они обнаружили, что большинство исследователей пришли к сходным результатам по ранжированию национального потенциала. То есть независимо от измеряемых переменных и формулы, используемой для измерения, наибольшей мощью, как оказалось, обладали одни и те же страны во всех индексах. Далее, при измерении абсолютных значений мощи разных стран результаты различных исследований оказываются еще более схожими, чем при ранжировании. При этом сходство результатов всегда оказывается наибольшим для развитого мира и наименьшим для мира неразвитого. Это объясняется тем, что аналитики питают больший интерес к великим державам и лучше их знают, чем мир неразвитый. Наконец, еще более удивительно, что отсутствуют существенные различия между результатами одномерных и многомерных индексов. Это приводит Меритта и

Зиннеса к заключению о том, что «ненужные дополнительные данные и арифметическое их умножение вводятся без какого бы то ни было дополнительного выигрыша»⁴.

Отсюда Э.Теллис и его коллеги делают вывод, что будущие усилия исследователей должны быть направлены на пересмотр концепции национальной мощи. Она должна исходить из анализа ограничений и преимуществ традиционных подходов и вести к созданию стандартизированного профиля мощи, с помощью которого может синхронно и диахронно рассматриваться небольшое число кандидатур в великие державы⁵.

В опубликованной сначала на фарси, а затем и в английском переводе, книге иранского политгеографа Сеида Хади Заргани «Введение в национальную мощь: принципы, функции, исчисление и измерение» дана своя классификация работ его предшественников⁶. Заргани прежде всего разделяет одномерный и многомерный подходы, а затем в первом выделяет еще две группы. В первой — мощь выражается военными индексами. Сюда входят численность вооруженных сил, военные расходы, численность и состав военно-морского флота. Во второй группе более важными считаются экономические факторы: национальный доход, ВВП, потребление топлива и энергии. Одномерные модели, полагает Заргани, сужают взгляд на национальную мощь государств и не могут реалистично отразить ситуацию в глобальной геополитической системе. Так, например, хотя нефтяные доходы увеличивают ВВП Саудовской Аравии, Ирана и Венесуэлы, нет связи этого индекса с прочими индексами национальной мощи.

Сам Заргани, следуя примеру руководителя его докторской диссертации, ведущего политгеографа Ирана, основателя Геополитической ассоциации Ирана Мохаммада Реза Хафезниа предпочитает многомерный подход. Хафезниа теоретически обосновал девять факторов, определяющих национальную мощь: экономический, территориальный, политический, научно-технологический, социальный, культурный, военный, астро-космический, транснациональный. Для каждого из факторов эксперты оценили значение переменных. В результате вычислений в десятку государств с самой большой национальной мощью вошли США, Китай, Россия, Великобритания, Япония, Германия, Франция, Канада, Австралия, Испания⁷.

К числу наиболее обстоятельных обзорных работ можно отнести также докторскую диссертацию Карла Хёна «Геополитика и измерение национальной мощи», защищенную в начале 2013 г. в Гамбургском университете⁸. Диссертант поставил перед собой задачу собрать как можно больше существующих в литературе формул исчисления национальной мощи государств и дать их сущностную характеристику. Соответственно работа носит энциклопедический и в определенной мере справочный характер. Такое свойство ей сообщает и то обстоятельство, что представлению формул предшествуют краткие биографии их авторов. В числе 69 рассмотренных формул большинство предложено американскими исследователями. За ними следуют разработки китайских и германских ученых. Число переменных, используемых в рассмотренных формулах, колеблется от 2 до 236.

В диссертации Карла Хёна подробно рассмотрены теоретические и концептуальные обоснования математических подходов. Среди них — германская геополитика (преимущественно работы Фридриха Рагцеля и Александра Супана), американская геополитика (Николас Слайкман), марксистский взгляд на геополитику (Карл Август Виттфогель и Даниэль Дойдней), геоэкономика, американские теории международных отношений (реализм, либерализм, конструктивизм), психологическая мощь в соотношении с концепцией мягкой силы. Прослеживается также история статистики в ее соотношении с политологией, геополитикой, исследованием международных отношений. Подчеркивается исходное этимологическое родство самого понятия статистики с понятием государственной мощи (*state power*). Особое внимание обращено на более широкую и более цельную, чем на Западе, трактовку национальной мощи в Индии и Китае, что выразилось в появлении концепта «совокупной национальной мощи» (*цзунхэ голи, comprehensive national power*), и значении, придаваемом роли культурной среды при рассмотрении проблем власти, стратегии, войны.

По мнению Карла Хёна, главной проблемой нынешнего состояния исследований по количественному измерению национальной мощи является отсутствие универсальной теории, которая доказывала бы преимущество того или иного набора переменных и методов их вычисления перед прочими. Как правило, отмечает он, те, кто склонен к математике, избегают теории, а теоретически мыслящие избегают математики. Выбор и оценка переменных чаще всего остаются субъективными и спорными. Они убедительны только для их инициатора, но не обязательно для кого-либо еще.

Формирование собственного подхода к измерению национальной мощи Карл Хён связывает с опытом, приобретенным им в молодости, когда он был правозащитником в таджикском неправительственном социальном институте «Молодежь и цивилизация» и проводил социальные исследования для германского фонда помощи голодающим в Таджикистане. Он увидел там высокий уровень коррупции в сочетании со сравнительно хорошей для столь бедной страны инфраструктурой, доставшейся от СССР. Эти наблюдения воплотились в интегрирующих переменных, таких как «честность» и «ожидаемая продолжительность жизни», чрезвычайно важных для развивающихся стран (табл. 1)

Таблица 1

Переменные и их вес в формулах Карла Хёна, проценты

Переменные	2006 г.	2008 г.
Социально-экономический блок	33,33	25,00
Номинальный ВВП	8,33	6,25
Ожидаемая продолжительность жизни	8,33	6,25
Образование/интеллект	8,33	6,25
Честность	8,33	6,25
Производство энергии	16,67	25,00
Военные переменные	33,33	25,00
Военные расходы	16,67	12,50
Производство вооружений	16,67	12,50
Ядерное оружие	16,67	25,00
Итого	100,00%	100,00%

Военные расходы и производство вооружений исчислены в процентах от ВВП и затем умножены на все социально-экономические переменные, так что в итоге социально-экономический блок составляет 66,67% индекса 2006 г. и 50% индекса 2008 г.

Эволюция западных оценок СНМ. Первая формула для измерения национальной мощи была вдвинута еще в 1741 г. В ней мощь определялась одномерно — путем умножения численности населения на его плотность. В 30-х годах XX века устанавливается зависимость военной мощи государства не только от демографии, но и от обеспеченности природными ресурсами. В начале 60-х годов страны подразделяются на те, что располагают ядерным оружием, и те, кто его не имеет. Вводятся также показатели: численность вооруженных сил, использование ресурсов, земельного и человеческого потенциала. С начала 70-х годов формулы еще более усложняются. В них появляются данные о ВВП, производстве стали, угля, военных бюджетах и разнообразные индексы.

Большое влияние на развитие методики расчетов национальной мощи оказала холодная война и горячие региональные войны, особенно вьетнамская. Появились формулы, в которых показателям «мягкой силы» придается не меньшее значение, чем показателям «твердой силы». О. Органски включил в понятие мощи не только ресурсы, но и *способность использовать* их таким образом, чтобы менять поведение других наций подобно собственным национальным интересам⁹. Мощь определялась не только естественными детерминантами — географией, природными ресурсами и демографией, но и

детерминантами социальными: экономическим и политическим развитием и национальной моралью. Мерой политического развития становится способность правительства *мобилизовать ресурсы*, в том числе путем фискальной политики.

В дальнейшее продвижение такого подхода существенный вклад внес американский политолог и аналитик ЦРУ Р. Клайн¹⁰. В его понимании *национальная мощь представляет собой не сумму индикаторов твердой и мягкой силы, но их произведение*¹¹. Другими словами, если мягкая сила имеет нулевое значение, то и показатель национальной мощи не будет отличным от нуля.

Этот подход нашел свое продолжение в работах Р. Томпсона, британского эксперта по борьбе с партизанским движением в Малайзии и Вьетнаме, и встретил также позитивный отклик у китайских разработчиков моделей национальной мощи. В теоретической формуле Томпсона сомножителями в равной мере выступали, с одной стороны, человеческие и иные ресурсы, а с другой — воля. Опираясь на разработки Клайна и Томпсона, бывший президент США Р. Никсон сделал вывод о том, что главной причиной поражения США во вьетнамской войне стал *психологический фактор*¹².

На разных исторических этапах национальная мощь государств может определяться не только разным сочетанием факторов, но и разной факторной нагрузкой. Американский политолог М. Салливан в своей книге «Мощь в современной международной политике» посвятил измерению мощи специальную главу, где настаивал на том, что количественному определению мощи должно предшествовать выяснение *ситуационного контекста*. Не все компоненты мощи, подчеркивал он, нужно измерять и включать в индекс мощи. Некоторые компоненты в разной степени проявляются через посредство других. Субъективные факторы мощи, такие как мораль и воля, полагает Салливан, лучше всего измерять косвенно, через объективные факторы¹³.

Большую роль в развитии количественного подхода к оценкам национальной мощи сыграло появление *информационных технологий* и, в частности, компьютерных стратегических игр. Эти игры, создавая подобие реальности, адресуются к способности игрока принимать наиболее адекватные решения по использованию ресурсов и оптимизировать стратегию. Тем самым возникают некоторые приближительные модели реальной политики и ведения войны.

Инновационные технологии в современных условиях становления глобального информационного общества служат одной из главных составляющих национальной мощи. Но они же и наиболее сложны для определения компонентов. К оценке их привлекаются исследовательские подразделения разведывательных служб ведущих западных держав.

В начале 2000 г. под грифом Rand Corporation была опубликована небольшая книга «Измерение национальной мощи в постиндустриальный век. Справочник аналитика», написанная Эшли Теллисом с тремя соавторами¹⁴. Авторы книги указывали, что наступление постиндустриального века меняет традиционную основу национальной мощи, что ведет и к пересмотру методов ее измерения. Требуется оценка не только очевидного военного потенциала, но и способности к инновациям, совершенства социальных институтов, качества знаний, то есть всего того, что может составлять эффективную военную мощь как фундаментальный элемент международной политики. Соответственно, авторы предлагают свой концептуальный подход к измерению национальных ресурсов, их рационального использования и военных возможностей. Главная цель измерения — установить, насколько тот или иной кандидат в великие державы может реально соперничать с США.

Анализ строится на трех главных посылах. Во-первых, «революция знаний», наиболее очевидно реализуемая текущими прорывами в обработке информации, технологиях и менеджменте, затрагивает все общество и имеет свои следствия как в гражданской, так и в военной сфере. Во-вторых, деятельность «государства», точнее, институтов управления, определяющих политический курс нации, является критичной для успеха страны в постиндустриальный век. Независимо от того, насколько успешно или неуспешно

пешно данное общество развивает и использует революцию научных знаний для того, чтобы превратить эти социетальные продвижения в национальную мощь, требуется минимально эффективное государство. В-третьих, национальная мощь, в конечном счете, выражается в боеготовности, а самым важным видом боеготовности является именно та, что использует самые новейшие технологии, особенно информационные и коммуникационные, для создания эффективных конвенциональных сил.

В 2005 г. два ведущих сотрудника RAND Corporation Грегори Тревертон и Сет Джонс опубликовали отчет о двухдневном семинаре по проблеме «Измерение национальной мощи», в котором участвовали преимущественно сотрудники RAND и Группы стратегических оценок (Strategic Assessment Group) ЦРУ¹⁵. Работа семинара включала три основных направления. Первое ставило задачу определить состав великих держав к 2020 г., основываясь на таких переменных, как военная мощь (определяемая на основе военного бюджета), экономическая мощь (ВВП), человеческий капитал (продолжительность базового образования) и технологии (расходы на НИР и НИОКР в расчете на душу населения). Второе направление сконцентрировалось на обсуждении проблемы превращения ресурсов в мощь. Участники семинара обсуждали подход, предложенный Эшли Теллисом и его коллегами. Их представления о национальной мощи включали такие факторы, как способность к инновациям, характер социальных институтов и качество базовых знаний. Подход Теллиса был дополнен соображениями о необходимости учитывать доступ к капиталу, в т.ч. — международному, уровень коррупции, электоральную поддержку власти, социальную активность, аудиторию СМИ и другие факторы. Третье — касалось угроз национальной безопасности США, включая нетрадиционные.

Позднее в *Harvard International Review* появилась статья Г. Тревертона и С. Джонса «Измерение мощи: как предсказывать будущие балансы», где развивались соображения, высказанные на семинаре¹⁶. Г. Тревертон и С. Джонс, в соответствии с идеями Э. Теллиса, рассматривают государственную мощь на трех уровнях. На первом она выступает в качестве ресурсов, или потенциалов, на втором — в процессе становления и только на третьем — как итог. Именно последний интересует политиков, и как раз его труднее всего оценить. Показателями мощи на уровне потенциалов служат ВВП, население, расходы на оборону и такой менее определенный фактор, как технологические инновации. Мощь государств оценивается в процентах от глобальной мощи. 14 государств располагают более чем 1%. На долю США приходится почти пятая часть глобальной мощи, за ними вплотную следуют ЕС и Китай — по 14%, затем Индия — 9%, и далее — Бразилия, Южная Корея и Россия — примерно по 2% каждая. Эти оценки, полагают Г. Тревертон и С. Джонс, указывают на возможность создания союзов, способных противостоять мощи США, и выявляют места наиболее вероятных будущих конфликтов, самым тревожным из которых становится Азия. Оценки свидетельствуют также о том, что к 2015 г. мощи США будут угрожать Китай и Индия, тогда как ЕС и другие неамериканские члены восьмерки испытают некоторое сокращение мощи.

Оценки СММ в России, Иране, Индии. Определенное влияние на характер, ориентацию и содержание развитие количественного изучения международных отношений оказывают особенности *национальной культурной и ментальной среды*, к которой принадлежит исследователь. В меньшей степени это касается развитых стран Запада и в гораздо большей — стран, стремящихся к более высокому региональному или мировому статусу: России, Бразилии, Индии, Ирана, Турции, Китая.

В этой связи следует особо подчеркнуть роль *геополитических воззрений*. Примером такого влияния может служить опубликованная в конце 1990-х годов статья проф. В.Р. Хачатурова «Россия и геополитическая стабильность мира», в которой дано формализованное описание модели *устойчивого развития человечества*¹⁷. Автор исходит из того, что географическое пространство, занимаемое Китаем и Индией, является геополитическим центром мира. Этот центр инициирует глобальные геополитические процессы на планете. В ходе этих процессов формируются два геополитических полюса: стабиль-

ный геополитический центр мира и центр нестабильный. С течением времени полюса могут менять свой характер. Причем нестабильный полюс меняется чаще, чем стабильный. После того как сформировались два полюса, наступает период геополитической стабильности на планете, который длится до момента изменения одного из полюсов или обоих полюсов одновременно. С изменением хотя бы одного из полюсов мир вступает в период геополитической нестабильности. В этот период могут происходить глобальные войны и революции. Период геополитической нестабильности сопровождается формированием новых полюсов и переходом мира в новые состояния. Геополитическая стабильность мира является необходимым и потому обязательным условием устойчивого развития человечества, которое возможно либо в бесполосном, либо в двухполюсном мире. Входя одновременно в стабильный и нестабильный полюсы, Россия тем самым является геополитической осью мира.

Российская проблематика занимает ведущее место в трудах А.И. Агеева, особенно в выполненных им в соавторстве работах «Россия в пространстве и времени» (2004) и «Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира» (2007). В последующих работах Агеева и его соавторов представлены расчеты на 2008 г. по 100 странам, а также прогнозы на 2025 г. Согласно последним, евроатлантическое сообщество сохранит свои лидирующие позиции в мире. Но больше всего продвинется вперед Россия. Почти столь же позитивен прогноз для Бразилии. Предполагалось, однако, что Индия и Иран будут развиваться успешнее, чем Китай. Сегодня, когда пройдена уже немалая часть прогнозной дистанции, к сожалению, приходится констатировать, что реальность далеко не вполне оправдывает ожидания авторов названных работ, особенно в той части, которая касается России.

В 2007 г. были опубликованы предварительные результаты работы большого авторского коллектива сотрудников Университета МГИМО (У) МИД России под руководством А.Ю. Мельвиля по инновационному научно-исследовательскому проекту «Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств», а в 2010 г. вышло в свет английское издание работы. Исследуются 192 суверенных государства современного мира. Результаты представлены в виде рейтингов стран по пяти индексам: государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни, институциональных основ демократии. Все индексы в определенной мере взаимосвязаны. Из них прямое отношение к измерению национальной мощи имеет лишь индекс потенциала международного влияния, поскольку он содержит две военных переменные.

При кластерном анализе, разделяющем страны по принципу схожести определенных параметров, выделение 10 групп помещает Россию в кластер стран, обладающих большим международным влиянием — вместе с Китаем, Францией, Германией, Италией, Японией, Великобританией и США. При увеличении числа кластеров до 13 группа делится надвое, и в одной из них Россия оказывается в соседстве с Китаем и США. При увеличении числа кластеров до 33 Китай остается в одиночестве. Иными словами, Россия по своему международному статусу больше всего напоминает США.

Такой результат вызвал критику со стороны директора Института опережающих исследований им. Шифферса академика РАЕН Юрия Громыко. В интервью корреспонденту американского журнала EIR Рейчел Дуглас он сказал, что разработка А. Мельвиля и его коллег «выполнена как стремление создать игровой джойстик, при помощи которого Россию можно было бы все время помещать в центр мировых процессов, что неверно, и как всякая необъективная оценка — опасно»¹⁸.

Свою специфику в развитие геополитического подхода к измерениям национальной мощи внес ведущий индийский исследователь Арвинд Вирмани, в течение 25 лет служивший советником индийского правительства, а затем ставший во главе МВФ. Будучи экономистом, он, по его собственным словам, «ищет основные геополитические взаимодействия в экономической реальности». Основные его идеи отражены в

двухтомной монографии «Продвижение Индии: от социалистической стагнации к мировой державе»¹⁹.

Вирмани выделяет в истории экономического развития Индии после обретения независимости в 1947 г. два этапа: первый, который он называет «социалистической стагнацией» — до конца 1970-х годов и второй — с начала 1980-х годов, когда рыночные реформы стали способствовать высокой динамике экономического роста. Рассматривая источники ускоренного экономического роста в Индии, Вирмани неоднократно обращается к китайскому опыту, в котором он усматривает как полезные уроки, так и предостережения. К первым он относит экспортноориентированную модель развития, к последним — преимущественную ориентацию на инвестиции в государственный сектор экономики. В целом он отмечает, что 30-летний опыт индийского социализма мог бы быть более успешным, если бы был ближе к ориентированному на рынок социализму с китайскими особенностями.

Вирмани стремится привнести в экономическую реальность геополитические измерения. Под этим углом зрения анализируются прежние тенденции и выстраиваются проекции будущего на ближайшие три десятилетия. Соответственно, национальную мощь Вирмани рассматривает как комбинацию способности противостоять нежелательному внешнему воздействию со способностью влиять на других в желательном для себя направлении. Рассматриваются более 100 стран с целью выявить у них потенциалы стать региональной или глобальной державой в течение двух последующих десятилетий. Обсуждаются принципы, на которых может базироваться справедливая система глобального управления. В основе такой системы, по Вирмани, мог бы лежать «естественный потенциал мощи». Разделение глобальной мощи сообразно этому показателю представляется не только справедливым, но и способным стимулировать честную конкуренцию.

Вирмани измеряет потенциал национальной мощи страны, которая является или способна стать глобальной или региональной державой, умножая показатель ВВП на показатель ВВП в расчете на душу населения и затем выражая результат в процентах от итоговых данных США. В итоге на 2005 г. образуется такая группа лидеров: США 100%; Япония 27; Китай 25; Германия 17; Франция 12; Великобритания 12; Италия 11; Индия 8,5; Канада 7,8; Россия 6,5%; Испания 6,4%; Бразилия 5,8; Корея 5,5%; Австралия 4,7%. Вирмани прогнозирует, что в течение первой четверти XXI века однополярный мир станет с участием Китая биполярным, а во второй четверти — триполярным, с включением Индии в тройку лидеров. Становление многополярного мира считается маловероятным. Индия займет 3-е место в мире по объему экономики в 2015 г. и догонит США по реальному ВВП в 2040 г. Потенциальная мощь Индии в 2050 г. составит 80% от показателя США²⁰. Одним из резонов для такого оптимизма служит наличие у Индии огромного недостаточно используемого пула (от 20 до 100 млн) свободно мыслящих, автономно трудящихся людей с высоким IQ (замеры в Индии показывают устойчивые результаты среднего IQ в диапазоне 78—82). В связи с этим некоторые индийские военные считают, что будущая СНМ зависит не от доли ВВП, потраченной на оборону, а от средств, вложенных в образование.

Таким образом, индекс Вирмани позволяет измерять мощь разных стран, двигаясь хронологически как вспять, до исходной точки, так и в будущее. Это дало индийскому экономисту в 2004 г. возможность предсказать значительно более быстрое восхождение Китая, чем прогнозировали многие эксперты, включая аналитиков из разведывательного сообщества США. Хотя динамика экономического роста Индии в 2012—2013 гг. несколько снизилась, тем не менее, это вряд ли ставит под сомнение прогнозируемые Вирмани перспективы становления Индии как третьей крупнейшей экономики мира.

Главную опасность и главный вызов для Индии Вирмани видит в широко распространенной коррупции и соответствующем снижении качества и возможностей управления. Особенно угрожающей он считает коррупцию законодателей в национальном

парламенте и парламентах штатов, поскольку она сильно затрудняет реформы, необходимые для достижения Индией статуса великой державы.

Другой выдающийся индийский экономист, старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка, главный экономический советник индийского правительства Каушик Басу, вместе с соавторами предложил в 2011 г. свой метод измерения мощи правительств²¹.

Индийские исследователи исходят из того, что в процессе глобализации экономическая мощь правительств служит дополнением к рыночным силам, а в период глобального экономического кризиса правительства играют решающую роль в стабилизации финансовых рынков и координации усилий по поддержке мировой экономики. Правительства являются также главными агентами в деле справедливого перераспределения и развития.

Для измерения правительственной мощи используется индекс, состоящий из четырех переменных: правительственных доходов, золотовалютных резервов, экспорта товаров и услуг и человеческого капитала. Последний образуется сочетанием данных о населении и среднем числе лет школьного образования. Большая численность населения в Индии и Китае сказывается, конечно, на более высоких значениях индекса по сравнению с другими нациями. Но большие достижения в продолжительности школьного образования компенсируют сравнительно малую численность населения стран Западной Европы сравнительно, например, с африканскими странами. По сути, идея здесь состоит в том, чтобы учесть роль правительства в использовании одного из видов богатства — человеческого капитала.

Указанные переменные отражают способность правительства мобилизовать ресурсы, его кредитоспособность на мировых финансовых рынках, его влияние на глобальную экономическую активность и его потенциал в отношении человеческих ресурсов. Значения индексов прослежены за 2000—2009 гг. для 100 экономик. По результатам исследования, на 2009 г. определилась следующая иерархия правительственной мощи: 1). США, 2). Китай, 3). Япония, 4). Германия, 5). Индия, 6). Россия, 7). Франция, 8). Бразилия, 9). ЮАР, 10). Италия. Подчеркивается устойчивый рост показателей Китая, Индии, Бразилии и возрождение России на фоне сохраняющегося значения США, Германии и Японии. Отмечается также повышающаяся роль группы растущих рынков в составе Южной Кореи, Индонезии, ЮАР, Мексики и Турции. К ним подтягиваются также некоторые страны Африки: Судан, Ангола, Танзания, Нигерия и республики из бывшего Советского Союза.

Индийские аналитики полагают, что разработанный ими индекс является особенно релевантным в связи с представлением о том, что мир движется к новому экономическому порядку с новыми центрами мощи и с перегруппировкой 88 основных глобальных экономических акторов.

Продолжающаяся глобализация ведет к тому, что национальная экономическая мощь больше не зависит только от ресурсов. Скорее, это — результат сложной системы международных взаимодействий и зависимостей. Переоценка международных экономических отношений включает в себя стимулирующее воздействие таких быстрорастущих азиатских экономик, как китайская и индийская, на другие развивающиеся страны, особенно на африканские страны южнее Сахары. Экономическая мощь правительств имеет также большое значение для координации борьбы с нищетой и неравенством.

Оценки СНМ в Китае. Китайские количественные исследования *совокупной национальной мощи (СНМ)* непосредственно служат выстраиванию общей экономической и внешнеполитической стратегии страны. Профессор Национального университета обороны Цзян Лумин отмечает, что сегодня в международной конкуренции каждое государство стремится занять наиболее выгодные позиции, получить наибольшие преимущества по сравнению с другими странами, что предопределяет исключительно ожесточенное соперничество между ними. «Можно сказать, что борьба за преимущество в сово-

купной национальной мощи стала «командной высотой» в современной конкуренции мировых держав. Тот, кто сумеет занять эту «командную высоту», получит «стратегическое преимущество»²².

Современные китайские исследования СНМ имеют глубокие корни в древних представлениях о том, что межгосударственные отношения следует основывать на тщательном учете преимуществ и недостатков своих собственных позиций и позиций соперников. В эпоху, когда Китай поставил перед собой задачу вернуться на лидирующие позиции в мире, такой подход обретает новый смысл и новое значение, связанные, прежде всего, со стремлением догнать и опередить все прочие мировые державы. По словам одного из ведущих китайских исследователей СНМ Хуан Шофэна, еще в 1984 г. Дэн Сяопин призвал китайских ученых проанализировать будущие условия безопасности в рамках исследования стратегии национальной обороны до 2000 г. Позже архитектор китайских реформ неоднократно говорил о важности наращивания СНМ. После его знаменательной поездки на юг в 1992 г., когда он вновь подчеркнул значение СНМ, это понятие стало одним из важнейших в лексиконе правящей партии. Ему уделено немало места в отчетном докладе XV съезда КПК и последующих документах, хотя чаще всего без сколько-нибудь подробной расшифровки.

Китайские ученые внимательно знакомились с трудами своих зарубежных коллег, но их подходы не вполне удовлетворяли запросам китайской стратегии развития, главным образом потому, что многие из них были чересчур статичными и недостаточно учитывали факторы мягкой силы. Поэтому пришлось разрабатывать собственную методику.

В 1987 г. Дин Фэнцзюнь, откликаясь на призыв Дэн Сяопина, опубликовал работу, в которой оценка СНМ служила отправной точкой для соображений по стратегии развития Китая до 2000 г.²³ Автор предложил формулу, в которой совокупная национальная мощь представляла собой произведение мягкой и жесткой силы. Первую составляла сумма политической, научно-технической и духовной сил, а вторая была представлена коэффициентом, отражающим структуру слагающих ее природной, демографической, экономической и оборонной сил. Если коэффициент превышал единицу, структура жесткой силы считалась рациональной, в противном случае — нерациональной. Природная сила включала естественные условия и естественные ресурсы. Первые измерялись величиной территории, пахотной площадью и географическим положением, а вторые — запасами, составом, сложностью разработок, достаточностью минеральных ресурсов. Политическая сила охватывала политические институты, политическую структуру и лидерские способности руководителей государства.

В 1992 г. вышла в свет книга математика по образованию, полковника НОАК Хуан Шофэна «О совокупной национальной мощи»²⁴. С точки зрения Хуан Шофэна, СНМ представляет собой большую, многоуровневую систему, внутри которой взаимодействуют две основные системы: материальная, или «жесткая», и духовная, «мягкая», и семь главных факторов: ресурсный, экономический, научно-технический, оборонный, политический, культурно-образовательный, дипломатический. Первые три из них представляют жесткую силу, остальные — мягкую. Эти две подсистемы воплощают мощь, необходимую для существования и развития нации. При этом «жесткие» факторы могут иметь «мягкие» аспекты. Так, национальная оборона, будучи «жестким» фактором, включает в себя некоторые «мягкие» моменты: идеологию обороны и военную теорию. Кроме того, есть еще подсистема координируемой мощи, куда входят механизмы руководства, командования, управления и принятия решений, а также подсистема среды обитания, ограничивающая СНМ. Последняя включает международную среду, природную среду и социальную среду, определяющие развитие всех прочих факторов. Каждый компонент основных подсистем, или подындексов, представляет, в свою очередь, подсистему более низкого уровня, содержание которой также подробно определено. При этом Хуан Шофэн подчеркивает постоянную изменчивость СНМ — не только во времени, но и посредством взаимодействия энергетическими, материальными, информационными потоками в сфере науки и технологии, экономики, международных отношений.

Динамическая формула Хуан Шофэна считается одной из самых сложных математических формул, используемых для измерения СНМ. Однако, как пишет гуанчжоуский профессор Цзя Хайтао, формула не только сложная и, на первый взгляд, всеобъемлющая, но и практически малопригодная — как из-за трудности использования, так и из-за сложности сбора некоторых показателей. Но даже если удастся применить эту формулу, полученные результаты мало прояснят проблемы. Будет потрачено много времени и сил, но итоговые данные неизбежно устареют, поскольку к моменту их получения они не будут уже отражать сиюминутное состояние СНМ, и преимущества динамической формулы не будут реализованы. Кроме того, еще более важно то, что некоторые мягкие индикаторы в формуле очень трудно точно отразить статистически. Поэтому получаемые данные ненадежны²⁵.

В своей следующей книге «О процветании и упадке государств» Хуан Шофэн развивает свой количественный и качественный анализ СНМ применительно к истории великих держав²⁶. Приводится расчет СНМ и составляющих ее факторов по шести странам: США, Япония, ФРГ, Россия, Китай и Индия на 1996 г.

Хуан Шофэн рассматривает подъем и падение национальной мощи как применительно к отдельно взятой стране, так и в ситуации соперничества двух стран. В первом случае, по Хуан Шофэну, процессы подъема и падения национальной мощи государств подчиняются тем же законам, что и выживание наиболее приспособленных к переменам существ в органическом мире. Так, развал Советского Союза сопоставляется с исчезновением динозавров. Если не происходит необходимых мутаций, способствующих эволюции, старый вид в неблагоприятной среде обречен на исчезновение, сколь бы ни процветал он прежде. Точно так же, если страна идет путем неверных стратегических решений, отличным от стратегического тренда изменений внутренней и внешней среды, она неизбежно падет. Современная международная борьба за существование, полагает Хуан Шофэн, — состязание СНМ. В фокусе этого состязания находится борьба за стратегические ресурсы, включая ресурсы научно-технические, экономические, природные, кадровые, информационные и другие, составляющие ключевые элементы СНМ. Поэтому одной из целей исследования является анализ воздействия борьбы за одни и те же ресурсы на возвышение и упадок пары соперничающих стран. Оно также может быть применено для рассмотрения внутренней борьбы за власть между старой государственной системой и новой, обладающей новой национальной стратегией. Наконец, анализ может быть нацелен на оценку ситуации, при которой две страны не стремятся к одной и той же цели, но находятся в поиске разных ресурсов, причем одна из них освоила новый тип ресурсов. В этом случае конкуренция происходит на глобальном уровне. Исход ее определяется четырьмя сценариями.

- «Уничтожаются» обе страны в результате таких событий, как ядерная война.
- Одна страна загоняет другую в «фатальную позицию».
- Возникает «неравное сосуществование», при котором одна страна доминирует над другой.
- Обе страны могут сосуществовать и способствовать процветанию друг друга путем взаимного сотрудничества и взаимопомощи.

В конце 1996 г. Институт мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая опубликовал коллективный труд «Сравнительное исследование совокупной национальной мощи важнейших мировых держав»²⁷. В книге детально характеризуются факторы, формирующие СНМ, описываются методы их измерения и приводятся результаты количественной оценки СНМ 18 государств. Конкретно рассматриваются следующие основные области формирования СНМ: природные ресурсы, отечественная и зарубежная экономика, наука и технологии, военное дело, правительство и международные отношения, социальное развитие. Для каждого фактора устанавливается своя систе-

ма индексов (табл. 2). Дополнительные структурные индексы показывают взаимосвязь и взаимозависимость различных факторов.

Таблица 2

Структура индексов совокупной национальной мощи

Естественные ресурсы	Людские ресурсы	Общая численность населения Ожидаемая продолжительность жизни Доля экономически активного населения Число студентов вузов на 10 000 человек населения
	Земельные ресурсы	Территория государства Обрабатываемая площадь Лесопокрытая площадь
	Минеральные ресурсы (запасы)	Железная руда Медь Бокситы
	Энергетические ресурсы (запасы)	Уголь Нефть Природный газ Водная энергия
Потенциал экономической деятельности	Фактическая экономическая мощь	ВВП Потенциал промышленного производства (производство электроэнергии, стали, цемента), потенциал поставок продовольствия (общее производство зерна, обеспеченность зерном), потенциал поставок энергии (объем производства энергии, объем потребления энергии, нефтеперерабатывающие мощности), производство хлопка
	Фактическая экономическая мощь (на душу населения)	ВВП Потенциал промышленного производства (производство электроэнергии, стали, цемента), потенциал поставок продовольствия (общее производство зерна, обеспеченность зерном), потенциал поставок энергии (объем потребления энергии)
	Эффективность производства	Общественная производительность труда Производительность труда в промышленности Производительность труда в сельском хозяйстве
	Структура	Доля третичного сектора в ВВП
Потенциал зарубежной экономической деятельности	Экспорт и импорт	
	Золотовалютные резервы	
Научно-технический потенциал		Доля НИОКР в ВВП; численность научных работников и инженеров; численность научных работников и инженеров на 1000 человек населения; доля машин и транспортного оборудования в экспорте; доля высокотехнологичного экспорта

Уровень социального развития	Уровень образования	Расходы на образование в расчете на душу населения; доля учащихся вузов и средних учебных заведений
	Культурный уровень	Грамотность взрослого населения; число читателей ежедневных газет на 1000 человек населения
	Уровень здравоохранения	Расходы на здравоохранение в расчете на душу населения; охват населения медицинскими услугами
	Коммуникации	Число телефонов на 100 жителей
	Урбанизация	Доля городского населения в общей численности населения
Военный потенциал		Численность личного состава; военные расходы; экспорт вооружений; ядерное оружие (число боеголовок; число носителей ядерного оружия)
Потенциал правительственного регулирования и контроля		Доля расходов на конечное правительственное потребление в ВВП; доля расходов центрального правительства в ВВП.
Внешнеполитический потенциал		

Источник: Шизе чжэюя гоцзя цзунхэ голи бицзяо яньцзю: [Сравнительное исследование совокупной национальной мощи важнейших государств мира] / ред. Ван Сунфэнь. Чанша, 1996. С. 69.

Поскольку используемые для оценки СМ индексы существенно отличались друг от друга, для их сведения воедино потребовалось совмещение нескольких методов. На первой стадии данные из жестких индексов были стандартизованы путем соединения методики Р.Клайна с подходом, использованным при оценке СМ Японии. Жесткие индексы были разделены на две группы. В первую вошли индексы прямые, т.е. напрямую связанные с ростом ВВП, во вторую — непрямые, т.е. находящиеся в обратной зависимости от показателей роста ВВП в расчете на душу населения. Для оценки мягких факторов, с трудом поддающихся измерению, был использован опрос экспертов, чьи ответы затем были подвергнуты компьютерному анализу. В итоге были вычислены значения 64 индексов по восьми основным областям для 18 стран на 1970, 1980 и 1990 г. На следующей стадии понадобилась определенная корректировка полученных результатов. Так, страны с большими природными ресурсами и относительно малым населением, такие как Канада и Австралия, получили завышенные оценки СМ, несопоставимые с их реальной экономической мощью и ролью в международных делах, поскольку у этих стран оказались завышенными подушевые показатели экономических и социальных факторов. Кроме того, надо было принять во внимание меняющуюся со временем роль разных факторов. Так, во время войны, включая и войну холодную, главными компонентами национальной мощи становятся военная сила и ее составляющие, а в мирное время на передний план выходят экономическое и социальное развитие и международная торговля. Наконец, различным было количество индексов в каждой из восьми основных областей, а вес каждого, независимо от его значимости, был одинаковым. Поэтому на второй стадии работы количественные вычисления начального этапа были скорректированы путем качественного анализа и присвоения дополнительных весов как основным компонентам, так и составляющим их индексам. По словам исследователей, комбинация количественного и качественного анализа приближает результаты расчетов к специфическим национальным условиям разных стран, делает их более надежными и достоверными²⁸.

Однако, несмотря на все старания создать подлинно научную, безукоризненную систему оценки СНМ, основанные на этих оценках прогнозы оказались весьма далекими от реальности. Самое главное — никто не смог предвидеть стремительного возвышения Китая в начале нынешнего века. Авторы исследования, выполненного в Академии общественных наук, прогнозировали, что Китай к 2010 г в иерархии мировых держав поднимется всего на одну ступеньку — с 9-го места перейдет на 8-е. Потенциал роста Японии был, напротив, сильно переоценен. Ей предсказывали в 2010 г. почти такое же место в мировом рейтинге, как и США. Если же экстраполировать эту тенденцию дальше, то к 2020 г. Япония должна была бы оставить США далеко позади. Единственной державой, в отношении которой прогнозы в полной мере оправдались, стала, увы, Россия. Предполагалось, что наша страна, уступив свое 2-е место в мире Германии и Японии, будет опускаться еще ниже и пропустит впереди себя также Францию и Англию. В качестве одной из главных причин торможения России назывались усилия НАТО и США по ее ослаблению. При этом вера в конечное возрождение России все же сохранялась. Считалось, что ей понадобится 40—50 лет, чтобы вновь стать ведущей европейской державой.

На рубеже веков количественные исследования СНМ в рамках Академии общественных наук Китая продолжались, но принципиальных качественных изменений ни в подходах, ни в выводах не было. Прогнозирование рейтинга Китая относительно прочих ведущих держав мира на среднесрочную и даже долгосрочную перспективу оставалось по-прежнему весьма сдержанным. Считалось, что до 2010 г. Китай совершит в наращивании СНМ «скачок», суть которого будет состоять в том, что он обгонит Англию и выйдет на 8-е место в мире, а к 2020 г. продолжит свое движение, обойдет также Австралию и Россию и станет в мире шестой державой. Ожидалось, что только к 2050 г. Китай займет третью или четвертую позицию в мире, опередив Германию, Францию и Канаду, но по-прежнему далеко отставая от США. Даже в возможности обогнать Японию к середине века выражались сомнения²⁹.

Более того, не было уверенности даже в том, что Китай одержит верх в соревновании с Республикой Корея. Начиная с 1970-х годов Корея опережала Китай в наращивании СНМ, главным образом, благодаря превосходству в научно-техническом и социальном развитии. Не исключалось, что это превосходство сохранится и после 2020 г. Бесспорным считался тот факт, что Корея стоит выше Китая по уровню социально-экономического развития в расчете на душу населения. Если же такая ситуация сохранится и после 2020 г., то она, как считали прогнозисты, нанесет тяжелый психологический удар по народу и властям Китая. Единственная надежда исправить положение связывалась с возможным объединением Северной и Южной Кореи, что должно замедлить развитие последней, как показывает опыт Германии, по меньшей мере, на десятки лет. Если же этого не произойдет, то, как полагали, увеличение СНМ Южной Кореи неизбежно станет реальным вызовом для Китая. И еще более серьезный вызов усматривался в возможном повышении экономической активности Индии после 2010 г. благодаря возрастанию демографического, научно-технического и внешнеполитического потенциала.

В связи с этим рекомендовалось наращивать усилия по мирному воссоединению с Тайванем, что умножило бы экономический потенциал КНР, положило бы конец противостоянию вооруженных сил и способствовало отстаиванию суверенитета на острова в Южно-Китайском море. Главным препятствием на китайском пути наращивания СНМ в XXI веке считалась американская политика поощрения социального и национального раскола под лозунгами защиты прав человека и независимости Тибета и Синьцзяна. Эта политика, по расчетам аналитиков, могла бы ослабить СНМ Китая на 10%. Поэтому сохранение национального и территориального единства страны считалось важнейшим условием дальнейшего роста СНМ³⁰.

Третьим центром изучения СНМ в Китае на рубеже веков стал Институт современных международных отношений (с 2003 г. — Академия современных международ-

ных отношений) Здесь была сформирована проблемная исследовательская группа во главе с Ван Цзайбаном. Эта группа начиная с 1997 г., сплотила вокруг себя еще более широкий круг участников проекта — специалистов из разных областей научных знаний численностью до 100 человек. Они также создали обширную базу статистических данных по 7 странам за период с 1988 по 1998 г.

Опубликованный в 2000 г. доклад фиксировал абсолютное превосходство США. Мощь всех прочих оценивалась в процентах от США: Японии — 60%, России — 40%, Китая, последнего в семерке — 25%. Система основных индексов охватывала четыре основных сферы: экономику, военное дело, науку и образование, ресурсы. По объему ресурсов Китай превосходил США, уступая лишь России. Из остальных трех областей ближе всего к США Китай располагался по экономическим показателям — около трети американского потенциала. В сфере науки и образования он уступал США в 7 раз, Франции, Англии и Германии в 5 раз, России — вдвое. В военной сфере фиксировалось девятикратное отставание Китая от США, трехкратное — от России, двукратное — от Англии и Франции, а по отношению к Японии и Германии отмечалось достижение относительного паритета.

В начале 2006 г. Институт мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая опубликовал «Доклад о глобальной политике и безопасности», включавший в себя статью Ван Лин «Сравнение совокупной национальной мощи важнейших государств мира»³¹. Государства сопоставлялись по показателям экономической, дипломатической, военной мощи, ресурсам государственной мощи и регулирующей силы правительства.

По результатам расчетов было подтверждено неоспоримое лидерство США (90 баллов). На 2-е место вышла Англия (65 баллов), преимущества которой усматривались в обладании большим финансовым капиталом, человеческим капиталом, информационной мощью и технологиями. Последующие места в рейтинге были отданы России (63 балла), Франции (62 балла), Германии (62 балла), Китаю (59 баллов), Японии (58 баллов), Канаде (57 баллов), Республике Корея (53 балла) и Индии (50 баллов).

Шестое место Китаю обеспечивали его обширные трудовые ресурсы, обильный капитал, внутренняя стабильность и правительственная политика, гарантировавшая повышение страны в условиях стабильности. Достаточно высоко оценивались внешнеполитическая активность и военная мощь. По регулирующей роли правительства Китаю было отведено лишь 4-е место в соответствующем рейтинге. К сдерживающим моментам были отнесены технологическая отсталость, низкое качество рабочей силы, недостаточная информатизация, неразвитость институтов, поддерживающих инновации, отставание природоохранных и инфраструктурных объектов. Расходы на НИОКР в Китае составляли всего 1,31% ВВП, тогда как в развитых странах — 2,4%. По числу полученных за рубежом жителями Китая патентов КНР уступала только Индия. Производительность труда в Китае составляла лишь 3,3% от уровня представленных в исследовании развитых стран. Значительная доля высокотехнологичной продукции в экспорте не свидетельствовала о реальной технологической мощи страны, поскольку в ее основе была отверточная сборка изделий, идущих на экспорт, а не отечественные технологические разработки. Некоторой конкурентоспособностью на мировом рынке обладали только высокие технологии в авиакосмической области.

По численности людских ресурсов Китай в 2004 г. намного превосходил Индию, но по их качеству недалеко от нее ушел. В 2001 г. продолжительность обучения в Китае составляла в среднем 10 лет, на год больше, чем в Индии. Неграмотность равнялась примерно 12%, т.е. была чуть ниже, чем в Индии. Доля обучавшихся в высших учебных заведениях не превышала 5%, самого низкого показателя среди больших стран. В Индии он равнялся 8%.

Экономика Китая характеризовалась высокими накоплениями и активным привлечением зарубежного капитала. Но способность фондового рынка аккумулировать капитал была невелика.

Очень низкой оставалась информатизация страны. В 2004 г. в Китае на 1000 человек приходился 41 компьютер, а в США — 763. Число пользователей Интернета в Китае составляло 78,53 на 1000 человек, в США — 632,2. Более чем десятикратным было отставание в пользовании широкополосной связью.

Далеко отставал Китай от развитых стран по плотности автомобильных и железных дорог. Лучше дело обстояло с авиаперевозками, но и здесь отставание от США было весьма значительным. Прогрессирующе сокращалась энергообеспеченность и ресурсообеспеченность экономического роста.

В 2003 г. общественные расходы на здравоохранение в КНР составляли 5,8% ВВП, лишь немногим больше, чем в Республике Корея и намного меньше, чем в США. Общественные расходы на образование в КНР равнялись 3,3% ВВП, всего на 0,1% выше, чем в Индии, тогда как в Канаде они достигали 8,1%, в США — 6,2%.

Рассматривая возможности и перспективы соревнования Китая с США в области СНМ, Ван Лин обращает внимание, прежде всего, на отставание Китая в научно-технической сфере, которое она связывает особенно с различиями в государственной поддержке системы технологических инноваций. В США, по Конституции, конгресс и администрация поддерживают науку, способствуют научно-техническому прогрессу, поощряют научные открытия. В 1990-х годах США создали собственную государственную систему инноваций, подняли научно-техническое развитие на стратегическую высоту. Важным условием существования сверхдержавы стало развитие информационных отраслей. Хотя Китай также поставил подъем науки и техники во главе своей стратегии государственного развития и создал свою государственную систему научно-технических инноваций, однако усилия, предпринимаемые во многих областях, недостаточны, что ведет к недостаточному вкладу технологий, к недостатку научно-технических кадров. В США развитый фондовый рынок создает благоприятные условия для финансирования высокотехнологичных средних и малых предприятий, а китайские коммерческие банки обслуживают в основном только крупные и средние предприятия. Большие различия между Китаем и США существуют также в области защиты прав на интеллектуальную собственность. В сфере технологий американские предприятия обладали самостоятельностью, тогда как наука и техника в Китае подвержены огосударствлению и административному контролю.

При ограниченном объеме приобретаемых знаний эффективность их использования в Китае была также невысока. Достижения науки и техники слабо использовались в экономике, недостаточным был и уровень технологической кооперации. Не хватало эффективного сотрудничества между научно-исследовательскими органами университетов и предприятий. Китай страдал от утечки высококвалифицированных кадров, тогда как США питал постоянный приток таких кадров извне.

Важные аспекты развития СНМ в Китае раскрывает сопоставление с Индией, другой крупной, прежде слаборазвитой и многонаселенной страной Азии. Стартовый уровень экономического роста обеих стран был очень близок. В 1982 г. ВВП на душу населения в Китае составлял 275 долл., а в Индии — 274 долл. Они соответственно занимали 137-е и 138-е места в мире. В 2004 г. этот показатель по обменному курсу валют в Китае поднялся до 1269, а в Индии — до 578 долл., и этот разрыв постоянно растет.

Индия к концу 1990-х годов стала, как и Китай, ядерной державой, но в целом в военном отношении осталась слабее Китая. В своей внешнеполитической деятельности Индия, начиная с 50-х и 60-х годов прошлого века, вместе с Китаем провозглашала пять принципов мирного сосуществования, но к началу нового столетия утратила прежний энтузиазм, и ее влияние в мире стало уступать влиянию Китая, как в отношениях с соседями, так и в глобальном плане.

Китай располагал большими, чем у Индии, ресурсами для формирования СНМ, но во многих конкретных аспектах уступал ей. Так, в Индии лучше, чем в Китае, обстояло дело с подготовкой и сохранением человеческого капитала, выше был уровень владения английским языком, университетское образование было теснее связано с международными стандартами. Поэтому легче осуществлялся «выход за рубеж». Индийские предприятия больше тяготели к инновациям, чем китайские. Китай превосходил Индию в строительстве базовых сооружений и в эффективности правительственной деятельности, но Индия имела преимущества в создании правовой и финансовой систем и в образовании. В целом же регулирующая роль правительства в Китае была сильнее, чем в Индии, где ее ослабляли демократические, религиозные и родо-племенные институты. В Китае общество было более сплоченным, чем в Индии. Отсюда Ван Лин делает вывод, что в обозримом будущем Индии по СНМ очень трудно догнать Китай, но если она сможет использовать свои преимущества, урегулирует отношения с соседями, будет более активно в глобальном масштабе проводить политику, способствующую мирному развитию, то сможет стать серьезным конкурентом Китая по СНМ.

В самом конце 2009 г. Институт мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая опубликовал очередной ежегодник — «Желтую книгу о международном положении». Он включал в себя также «Доклад о глобальной политике и безопасности» (2010), где анализировались показатели СНМ 11 стран, включая семерку наиболее экономически развитых стран мира и четверку стран БРИК.

Первое место в этой последней китайской «табели о рангах» отдавалось, как и прежде, естественно, США. За США признавалось мировое лидерство в экономике, военной мощи, науке и технике и международном влиянии. Им принадлежало также 2-е место по обеспеченности ресурсами. Несколько хуже оценивались показатели социального развития (7-е место), а также безопасности и внутренней политики (6-е место). Но социально-политическое отставание с лихвой перекрывалось высокой боеспособностью.

Несколько неожиданно выглядело в рейтинге общее 2-е место Японии. В аналогичном ежегоднике за 2006 г. эта страна числилась только седьмой, уступая не только США и трем из пяти развитых стран Европы, но также России и Китаю (правда, тогда набор критериев был несколько иным). Китайские эксперты отдали Японии 2-е место не только в экономике, но и в таких сферах, как наука и техника, безопасность, вклад в международное развитие, а в социальном развитии — даже 1-е место. Сравнительно невысоко эта страна располагалась только в реестре данных о территории, ресурсах и демографии. Невысокими оказались также военные индексы, но они учитывали только количественные характеристики, оставляя в стороне качественные.

Столь большой разрыв в соотношении СНМ Японии и Китая, оказавшегося по общему зачету на 7-м месте, стал для многих неожиданностью. Тем более, что Япония не только многократно уступает Китаю по размерам территории, природным ресурсам и численности населения, но и не отличалась за последние десятилетия динамикой экономического роста, сколько-нибудь сопоставимой с китайской.

Поэтому многие наблюдатели априори полагали, что общее место Китая существенно выше, где-то, например, между Японией и Германией. Представленный же доклад оказался в этом отношении разочарывающей и в какой-то мере отрезвляющей новостью, главный смысл которой состоял в напоминании о нерешенности в Китае многих ключевых проблем социального развития, устойчивого роста, безопасности и внутренней политики.

Отставание в развитии СНМ Китая определялось, прежде всего, застарелой отсталостью образовательной и научно-технической сфер. Япония еще в начале XX века ввела у себя обязательное 6-летнее образование, а со второй половины нынешнего столетия расходы на образование стали превышать 5% ВВП, тогда как в Китае они не поднимались выше 3%. Расходы на науку и технику в Китае за последние десятилетия в сред-

нем были на уровне 1,54% ВВП, причем почти целиком уходили на выполнение ракетно-ядерной программы. В Японии они были вдвое выше и использовались преимущественно на развитие широкого спектра высокотехнологичных направлений.

Не меньшей, если не большей, сенсацией оказалось присвоение КНР 2-го места по мощи вооруженных сил. Признавалось, конечно, почти трехкратное отставание КНР от США, лидирующих по этому показателю (33,3 балла против 90,08 по стобалльной шкале), но Китай, однако, помещался выше занявшей третью строчку России (31,8 балла). В докладе за 2006 г. Китай располагался на 4-м месте (54,69 баллов), позади не только США (91,85), но также России (84,79) и Франции (56,29).

Из трех основных показателей, определявших военный рейтинг, наибольшее значение придавалось размерам военных ассигнований, которые в первую очередь и определяли неоспоримое превосходство США. Их военные расходы составляли 132% от общей суммы военных расходов остальных 10 стран, охваченных анализом. Китай был поставлен на 2-е место, главным образом благодаря высокой численности личного состава вооруженных сил и количества вооружений. По первому показателю Китай опережал все прочие страны.

Что касается России, то ее место в тройке лидеров определялось в основном преимуществом в количестве вооружений (84,5 балла против 83,4 баллов у США и 36,4 у Китая). Отмечалась, однако, устарелость основной массы российских вооружений.

Авторы подавляющего большинства откликов в Интернете на оценку китайской вооруженной мощи сочли ее завышенной, и только немногие — «в основном адекватной». Крайне негативно высказался по этому поводу в газете «Хуаньцзю шибао» один из ведущих китайских специалистов в области военной стратегии контр-адмирал Чжан Чжаочжун. С его точки зрения, доклад как бы официально подтверждал тезис о «китайской угрозе», муссирующийся в течение многих лет в западных СМИ. Чжан Чжаочжун утверждал, что составители доклада опираются на неточные в своем большинстве данные, почерпнутые из зарубежных источников. По его словам, рост ассигнований на оборону за последние годы в КНР лишь восполнял их недостаточность в предшествующий период, особенно в сравнении с США и окружающими КНР странами и районами: Японией, Индией, Республикой Корея, Тайванем и Россией.

Высокая численность личного состава вооруженных сил, по мнению Чжан Чжаочжуна, должна не повышать, а понижать рейтинг, поскольку она свидетельствует об отсталости вооружений, низком уровне автоматизации и невысокой эффективности затрат на армию. Наряду с численностью войск, подчеркивал он, следует принимать во внимание также уровень обучения, возрастную структуру, практический опыт личного состава. По всем этим показателям, как полагает Чжан Чжаочжун, китайские вооруженные силы далеко не обладают преимуществом. Количество вооружений давно уже не является показателем военной мощи. Напротив, важным свидетельством силы или слабости современных войск служат наличие систем управления, контроля, связи, вычисления, сбора информации, наблюдения и разведки, способности вести информационные войны, использовать оружие точечного удара и новые концепции ведения боя. Если исходить из этих критериев, то Китай, по убеждению Чжан Чжаочжуна, вплоть до 2020 г. будет уступать по совокупной мощи вооруженных сил США, России, Англии и Франции, занимая в таком списке 5-е место.

Примерно на такое же место по тем же основаниям он ставит и ракетные войска. Ни по числу разделяющихся боеголовок, ни по грузоподъемности ракет Китай не сможет превзойти названные страны.

Столь же скромные позиции в мировом рейтинге определяет китайский военный эксперт и для других родов и видов вооруженных сил КНР. Надводный флот КНР, ввиду отсутствия боевых кораблей крупнее 10 тыс. тонн, ставится на 8-е место, позади США, России, Англии, Франции, Японии, Италии и Индии, а подводный — на 5-е, после США,

России, Англии и Франции, из-за малого числа ядерных подлодок. В целом, с учетом четырех факторов информатизации ВМФ КНР отводится 7-е место. Такое же место и по таким же основаниям отдается китайским ВВС и сухопутным войскам.

Прогнозируется, что к 2020 г. китайские вооруженные силы в основном завершат механизацию и существенно продвинут информатизацию. К 2049 г. когда будет отмечаться столетие со дня основания КНР, они, возможно, поднимутся до 2-го места в мире.

Динамика вооруженных сил и экономического роста — основы конкуренции США и Китая. Непременной составной частью СМ государства служат его *вооруженные силы*. Роль и значение их в данном качестве наиболее очевидны, они легче поддаются исчислению и сопоставлению. Однако считать, что мощь вооруженных сил является фактором, определяющим в решающей степени величину СМ, было бы заблуждением.

Публикуя очередной доклад об оценках сравнительной вооруженной мощи 106 государств, известный новостной портал *Business Insider* с присущей ему традиционной иронией заметил, что единственно надежным способом проверить точность этих оценок может служить прямое военное столкновение. Поскольку крупномасштабная проверка такого рода, по крайней мере, в ближайшем будущем, надо надеяться, маловероятна, постольку приходится принимать используемые для оценок индексы, относясь, однако, к ним с большой осторожностью.

В данном случае речь идет о *глобальном индексе огневой мощи (Global Firepower Index)*, для расчета которого использовались более 50 показателей, включая общий военный бюджет, доступные людские ресурсы и размеры разного рода вооружений. Индекс базируется только на количественных данных, без учета качественных характеристик. Не принимаются во внимание также ядерные потенциалы, играющие, как известно, важнейшую роль в геополитике. Остаются в стороне и такие важные слагаемые военного могущества, как организация вооруженных сил, их встроенность в политическую структуру государства, в культуру и общественное сознание, их традиции и социальный престиж.

Но дело даже не только и не столько в этом. В ведущую тройку стран по глобальному индексу огневой мощи за 2014 г. входят США, Россия и Китай. Оставим пока в стороне Россию, поскольку, как бы ни был велик ее военный потенциал, он, как отмечено выше, не может восполнить отставание в экономике и мягкой силе, что выводит ее на обозримую перспективу из числа претендентов на мировое лидерство. Поэтому наиболее важным для оценки перспектив мировой геополитики представляется соперничество между США и Китаем, в том числе — в военном потенциале.

Лидирующее положение США как самой мощной на данный момент военной державы на планете вряд ли может быть поставлено под сомнение, какими бы показателями оно ни измерялось. Эта страна далеко превосходит все прочие по размерам военного бюджета, по количеству и качеству конвенциональных вооруженных сил на море и в воздухе, по модернизации систем вооружений.

США опережает Китай во всех этих отношениях. Тем не менее, Пекин определенно ставит перед собой задачу создать в обозримом будущем военную мощь, способную противостоять американской, и такая цель не представляется недостижимой. Это совсем не означает, что китайская мощь строится симметрично американской. Ровно наоборот, и данное обстоятельство еще более усложняет задачу сопоставления военной мощи этих двух держав.

Как полагают некоторые американские военные эксперты по Китаю, именно признание невозможности достичь паритета с США и их союзниками в использовании традиционных средств ведения боевых действий побуждает политическое и военное руководство Китая обращаться к применению неконвенционального, «асимметричного» оружия первого удара³². По словам аналитиков из Пентагона, китайская стратегия направлена на то, чтобы, используя высокоточное сухопутное оружие, а также антико-

рабелльные ракеты, растущий подводный флот, кибероружие и космическое оружие против спутников, уничтожить или обесилить на дальних подступах вооруженную мощь противостоящей державы³³. Если иметь в виду основной регион американо-китайского соперничества — западную часть Тихого океана, то китайские вооруженные силы нацелены на группы американских авианосцев и стационарные базы на Окинаве, в Южной Корее и на Гуаме.

В ежегодном докладе Министерства обороны Конгрессу США за 2014 г. говорится, что в военных кругах КНР информатизированная война рассматривается как асимметричная, способная сокрушить технологически превосходящего, но информационно зависимого противника посредством доминирования в информационном пространстве на поле боя. Рассматривается возможность даже принудить противника к капитуляции до начала конфликта. НОАК проводит военные учения, симулирующие действия в комплексной электромагнитной среде и использующие конвенциональные и кибернетические операции до достижения информационного превосходства³⁴. «Одновременные и параллельные» операции включают удары по американским военным кораблям, самолетам и силам поддержки, а также информационные атаки с целью парализовать тактические и операциональные коммуникации и компьютерную сеть. Эти операции призваны вывести из строя навигационные и наводящие на цель радары противника.

В ответ США разрабатывают свой план асимметричной войны с Китаем. В книге бывшего руководителя Пекинского бюро газеты *Financial Times* Дж. Дайера «Состязание века: новая эра соревнования с Китаем» (*The Contest of the Century: The New Era of Competition with China*) говорится, что хотя многие составные части этого плана, именуемого как «битва в воздухе и на море» (*AirSea Battle*), остаются неизвестными, но то немногое, что стало достоянием гласности, свидетельствует о провозглашении новой холодной войны.

В начале 2012 г. Пентагон выпустил документ, озаглавленный *Joint Operational Access Concept*. В случае конфликта, говорилось в нем, США должны атаковать мощности противника в киберпространстве и космосе. Одновременно они должны нанести удар по вражеским силам «контрдоступа» в глубине. Это означает, что в случае войны США планируют массированные бомбардировки китайского континента, поскольку базы противокорабельных ракет и разведывательное оборудование размещены по всей территории Китая, включая густонаселенные районы³⁵.

Перенос войны на континент с целью разгромить Китай с большой вероятностью предполагает, по мнению признанного мирового авторитета по международным отношениям Амитая Этциони, готовность к нанесению первого удара. Такая стратегия, включает он, ничем не отличается от гегемонистской интервенции³⁶.

Не менее затруднительно сопоставлять также экономические потенциалы и потенциалы мягкой силы соперничающих наций. В экономике, конечно, не существует каких-либо асимметричных путей развития, которые обеспечивали бы наращивание собственного потенциала и сдерживали экспансионистские устремления соперника. Но оценочные суждения и здесь имеют смысл только при качественном учете действующих тенденций и их неоднозначного воздействия на совокупную национальную мощь.

Важнейшее значение для увеличения экономического потенциала имеет *динамика экономического роста*. Отвлекаясь от правомерности измерения роста объемами ВВП, поскольку это выходит за пределы наших рассуждений, остановимся лишь на том, что китайский ВВП по паритету покупательной способности сравнялся с американским и имеет шанс его значительно превзойти. В этой связи чрезвычайно важно оценить факторы, способствующие и препятствующие экономическому росту.

Потенции роста китайской экономики на более или менее длительную перспективу определяются мировыми и китайскими экспертами в весьма широком диапазоне. Летом 2013 г. большой резонанс в экспертном сообществе и среди немалой части широ-

кой общественности вызвала опубликованная в газете «Нью-Йорк таймс» статья лауреата Нобелевской премии по экономике Пола Кругмана, в которой было заявлено, что Китай находится в большой опасности. Кругман утверждал, что экономическая система Китая, которая в течение трех десятилетий обеспечивала невероятный рост, исчерпала себя. Прежде всего, исчерпан ресурс притока дешевой рабочей силы из деревни. Единственный вопрос, который еще остается, состоит в том, насколько тяжелым будет крах³⁷.

Это было, конечно, далеко не первое алармистское пророчество будущего Китая³⁸. Но на этот раз, во-первых, такой прогноз прозвучал из уст уважаемого авторитета, ссылавшегося на общие закономерности развития, подтвержденные опытом многих стран (поворотный пункт Льюиса). А, во-вторых, и это главное, динамика экономического роста в Китае, начиная со второго десятилетия нашего века, действительно, стала ощутимо снижаться.

Кругмана поддержал известный политолог и футуролог Джордж Фридман. Обиженно напоминая, что указывал на противоречия в экономическом развитии Китая гораздо раньше, когда большинство веровало в «китайское чудо», он, вместе с тем, констатировал стремительное увеличение «китаескептиков» за последнее время³⁹.

Китайское руководство понимает многообразные причины, ведущие к снижению динамики экономического роста, видит их возможное негативное воздействие на социальную и политическую обстановку в стране, осознает их укорененность в действующей модели развития и принимает меры, которые могут обеспечить умеренно высокий рост экономики и удовлетворение потребностей общества на длительную перспективу. Более того, некоторые эксперты полагают, что умеренные темпы экономического роста создают благоприятную ситуацию для проведения необходимых структурных реформ в экономике. К ним относится, например, Стивен Роуч из Йельского университета, долгое время работавший в компании Morgan Stanley Asia. В статье, озаглавленной «Да здравствует замедление», он пишет, что трансформация китайской экономике необходима для перехода от роста, ведомого экспортом и инвестициями, к росту, получающему преимущественную поддержку от частного отечественного потребления⁴⁰. Китай, убежден Роуч, с новой моделью может удовлетвориться годовым ростом экономики в 7–8%. Этого достаточно для решения задач по обеспечению занятости и сокращению бедности, поскольку сектор услуг в Китае создает на единицу ВВП на 35% больше рабочих мест, чем промышленность и строительство, служившие основными двигателями старой модели. Сектор услуг, потребляющий меньше ресурсов и энергии, оказывает также значительно меньшее негативное воздействие на окружающую среду.

При существующей модели развития Китая в очень большой степени зависит от окружающего мира, как и весь остальной мир — от темпов роста китайской экономики. США и Китай связаны друг с другом настолько тесно, что США не могут чисто экономическими мерами сколь-нибудь серьезно помешать экономическому росту Китая, не нанеся одновременно ощутимого урона самим себе. Переориентация на внутренний рынок может ослабить внешнюю зависимость Китая, прежде всего от стран—поставщиков энергии и сырья для китайской промышленности, таких, как Австралия, Бразилия, Россия. Вместе с тем зависимость от импорта современных технологий из экономически развитых стран сохранится.

Исследовательская и консалтинговая компания *The Rhodium Group*, работающая в контакте с МВФ и китайским правительством, варьирует свои сценарии до 2020 г. соответственно успеху или неуспеху рыночных реформ в экономике КНР, намеченных 3-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013г.⁴¹ Наиболее вероятным считается сценарий базовый, предусматривающий «мягкую посадку». Если все пойдет хорошо, Пекин может рассчитывать на сокращение темпов годового роста не более чем до 6% к 2020 г. Менее оптимистичны сценарии с «жесткой посадкой» и кризисный. В последнем случае годовые темпы экономического роста могут упасть к 2020 г. до 1–3% (табл. 3).

Таблица 3

Среднегодовые темпы экономического роста КНР в 2013—2020 гг.

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Базовый сценарий								
Прирост ВВП (%)	7,7	7,5	7,0	6,8	6,6	6,4	6,3	6,0
Объем ВВП (млрд \$)	9181	9870	10561	11274	12018	12187	13580	14395
Жесткая посадка								
Прирост ВВП (%)		7,5	6,5	5,9	5,3	4,7	4,1	3,0
Объем ВВП (млрд \$)	9181	9870	10512	11130	11719	12270	12773	13157
Кризис								
Прирост ВВП (%)		7,5	7,5	5,0	4,0	3,0	2,0	1,0
Объем ВВП (млрд \$)	9181	9870	10610	11141	11586	11934	12173	12294

Источник: The Rhodium Group

В конце 2012 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала результаты своего исследования перспектив долгосрочного экономического роста в мире. Согласно этим данным, предполагалось, что по ППС в ценах 2005 г. Китай через год обгонит зону евро, а в 2016 г. — США. В 2030 г. экономика Китая будет больше экономики США в полтора раза. К аналогичным выводам в октябре 2012 г. пришел и МВФ, который, основываясь на текущих ценах. По его расчетам, ВВП Китая должен был достичь в 2017 г. 20,20 трлн долл., а США — 19,75 трлн долл.⁴² Однако уже осенью 2014 г. тот же МВФ объявил, что паритет двух ведущих экономик мира по данному показателю достигнут.

Означает ли это, что Китай сравнялся с США по экономической составляющей совокупной национальной мощи? По всей очевидности, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Более полувека Китаю понадобится еще, чтобы приблизиться к США по такому важнейшему критерию, как ВВП, или доход в расчете на душу населения. При этом экономика США будет опираться на такие важнейшие факторы конкурентоспособности, как высокий уровень инновационности компаний, развитость НИОКР, мощная система университетского образования, подвижность рынка рабочей силы. Китаю же предстоит решать сложнейшие социальные, экологические и демографические проблемы. Все это также займет не одно десятилетие.

СНМ как отражение и инструмент реализации глобальных геополитических трендов. Главное назначение оценок СНМ — служить объективным ориентиром для принятия политических решений по ключевым стратегическим вопросам развития и безопасности государства. Они призваны указывать, в каких направлениях нужно прилагать усилия страны и общества, чтобы обеспечить достижение стоящих перед ними целей. Вместе с тем, поскольку в обществе существуют группы, лоббирующие свои интересы, а индексы, служащие основой для оценок, несут в себе немалую долю субъективности, постольку конечные выводы могут быть с большим или меньшим основанием оспорены, а их истолкование может стать сильным средством воздействия на общественное мнение.

Общепризнано, что в китайском экспертном сообществе существуют группы влияния или интересов, которые способны влиять на государственный курс в той или иной сфере общественной жизни. Поэтому не исключено, что и компаративистские исследования СНМ могут служить таким целям.

В конце XX — начале XXI века происходит очередное перераспределение мощи и влияния ведущих государств планеты. Этот процесс сопровождается одновременно и изменением структуры СНМ, появлением новых важных ее составляющих, новых полей

для конкуренции между ведущими державами. Естественно, что разработчики количественных оценок СМ не могут не откликаться на меняющуюся ситуацию.

Летом 2014 г. трое сотрудников Исследовательского центра развития авиационной промышленности Китая Си Вэньцин, Му Сэнь и Ма Ли опубликовали работу, в которой предлагалась своя система оценок СМ развивающихся государств. В этой системе к жестким параметрам вооруженной мощи и экономики добавлялись мягкие параметры военного устрашения, экономического контроля и культурной привлекательности⁴³.

Сила военного устрашения определялась на основе данных о военных расходах, об экспорте и импорте вооружений, о количестве ядерных боеголовок и о числе нобелевских лауреатов в науке и технике. Индекс контроля над экономикой зависел от данных о притоке ПИИ из-за рубежа, об объеме экспорта и импорта, о доле в ВВП, принадлежащей капитализации компаний, имеющих листинг на бирже, о специальных правах заимствования в МВФ и о числе компаний, входящих в 500 крупнейших в мире. Культурная привлекательность измерялась положительным салдо числа зарубежных туристов, численностью иммигрантов на 10 тыс. человек населения, количеством университетов, пользующихся мировой известностью, числом наиболее ценных в мире брендов и числом призов на международных кинофестивалях. По итоговому рейтингу первая десятка стран определилась в следующем порядке: 1). США, 2). Франция, 3). Китай, 4). Англия, 5). Германия, 6). Россия, 7). Япония, 8). Канада, 9). Швейцария, 10). Италия.

США лидируют во всех трех рейтингах: военном, экономическом и культурном, но доминирование их в экономике и, особенно, в культурной привлекательности, далеко не столь велико и бесспорно, как в военном устрашении. За последние пару лет американская сила военного устрашения несколько уменьшилась из-за сокращения военного бюджета и обострения конкуренции на рынке вооружений. В экономическом рейтинге Китай за период с 2001 по 2014 г. совершил огромный скачок вверх на 10 позиций и вышел на 2-е место после США. По индексу культурной привлекательности шесть мест в первой десятке занимают европейские страны. Китай в этом рейтинге опустился с 8-го места на 9-е.

Исторический опыт человечества свидетельствует, что глобальное перераспределение СМ оказывает колоссальное воздействие на его судьбы. В начале XIX века оно повлекло за собой перекаривание карты Европы. Вступление в 20-е столетие ознаменовалось еще более тяжкими следствиями: Первой мировой войной, унесшей десятки миллионов жизней, становлением тоталитарных режимов и самой страшной в истории человечества Второй мировой войной, сначала в «горячей», а затем — в «холодной» фазе. Сегодняшнюю ситуацию в мире некоторые аналитики характеризуют либо как вторую холодную войну, либо как преддверие третьей мировой. В этой связи вполне понятна объективная и субъективная потребность в возможно более точных оценках сравнительной мощи государств, прежде всего тех, которые претендуют на лидирующие позиции в глобальной иерархии.

Главной чертой нынешней вселенской конкуренции ведущих держав являются усилия США удержать за собой как можно дольше то доминирующее положение в мире, которое они сохраняют уже более века, несмотря на все гигантские перемены, которые произошли на Земле за это время: культурные, экономические, технологические, геополитические. Многие полагают, что мир в наши дни движется от однополярности к многополярности. Существует немало оснований сомневаться в наличии такой тенденции. Но если она, действительно, имеет место, то для полной ее реализации понадобится никак не меньше времени, чем потребовалось для превращения США в мирового гегемона⁴⁴. И, что еще более важно, этот процесс будет сопровождаться событиями не менее масштабными, а, возможно, и не менее кровавыми, чем те, что сопутствовали восхождению США к вершинам мирового господства.

Для удержания своего превосходства, для сдерживания, а порой и сокрушения соперников, США используют все доступные рычаги и возможности — от экономических санкций до вооруженного вмешательства. При этом, однако, следует признать, что главным залогом сохранения первенства США неизменно остается постоянное приумножение и совершенствование если не всех, то, во всяком случае, важнейших компонентов их национальной мощи.

Оценка и сопоставление совокупности факторов и переменных, составляющих национальную мощь государств, представляет собой, как мы видели, весьма непростую задачу, прежде всего, в силу их очень большой разнородности и принципиальной незаменимости. Недостаток или, тем более, отсутствие тех или иных материальных, вещественных компонентов национальной мощи не могут быть восполнены присутствием других полновесных нематериальных духовных или институциональных компонентов. Более того, в каждом из этих подмножеств жизненно необходимо сочетание самых различных видов. Подобно тому, как симфоническая музыка может полноценно звучать только при наличии в оркестре разнообразных струнных и духовых инструментов, а для исполнения опер, кантат, ораторий нужен еще вокал.

Национальная мощь необходима не только для давления на соперников, но, прежде всего для защиты своего суверенитета и дееспособности как на мировой арене, так и в отечественных пределах. Поэтому оценки СМ разных государств и выстраивание иерархии по этому показателю должны учитывать в том числе наличие или отсутствия у компонентов национальной мощи серьезных проблем, пробелов и недостатков, которые могли бы быть использованы соперником в его интересах.

К применению всего потенциала СМ государства прибегают редко, только в тех случаях, когда существует реальная угроза самому их существованию, то есть в отечественных войнах. Во время Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. лозунг «Все для фронта, все для победы» воспринимался и исполнялся буквально. До предела простого выживания были урезаны все прочие потребности и нужды. Мобилизованы были все материальные средства и вся духовная энергия народа. Схожая ситуация была и в Китае во время антияпонской войны 1937—1945 гг. Но США, вступившие в войну позже остальных держав, воевали не в полную силу, задействовали для победы далеко не всю свою мощь и понесли значительно меньшие потери, что в немалой степени и обеспечило им послевоенное преимущество.

В относительно мирное время, в период, когда державы ограничиваются ведением sporadических возникающих локальных войн для достижения своих целей и навязывания соперникам желательной для себя линии поведения, не требуется весь потенциал СМ. Принуждение более слабых конкурентов к поведению, желательному более сильным, обеспечивается ограниченными санкциями или угрозой применения силы.

Но эффективность таких мер должна подкрепляться не только наличием реальных ресурсов, но и демонстрацией готовности их применить на деле. Отсюда вытекает тяга не только к постоянному наращиванию потенциала национальной мощи, далеко сверх того объема, который может быть реально задействован, но и к периодическому обострению напряженности в международных отношениях.

Отслеживание подвижек в глобальном балансе СМ имеет важнейшее значение для внутренней и внешней политики государства, дорожающего своим суверенитетом. Оно необходимо, прежде всего, для своевременной корректировки внутренней и — особенно — внешней политики. Такая корректировка позволяет избежать критического отставания от оппонентов в развитии основных слагаемых СМ и компенсировать собственные слабости путем сотрудничества или союза со стратегическими партнерами.

Существующие ныне количественные оценки СМ, как мы видели, далеки от совершенства. Особенно наглядно выявляются их недостатки при попытках экстраполяции на сколько-нибудь отдаленную перспективу. Тем не менее, за отсутствием более точ-

ного инструментария приходится пользоваться тем, что имеется в наличии. Во всяком случае, эти оценки значительно дополняют умозрительные представления о расстановке сил на мировой арене в данный конкретный момент и дают материал для выстраивания вероятностных сценариев ее последующей модификации.

1. *Ashley J. Tellis, Janice Bially, Christopher Layne, Melissa McPherson*. Measuring National Power in the Postindustrial Age 2000. 212 p. — Авторы указывают, что материал для этой главы они почерпнули из следующих источников: *Richard L. Merritt and Dina A. Zinnes*. Validity of Power Indices. *International Interactions*. Vol. 14. No. 2 (1988). P. 141–151; *Richard L. Merritt and Dina A. Zinnes*. *Alternative Indexes of National Power* // Richard J. Stoll and Michael D. Ward (eds.). *Power in World Politics* (Boulder: Lynne Rienner, 1989). P. 11–28; *Charles S. Taber*. *Power Capability Indexes in the Third World* // J. Stoll and Michael D. Ward. *Op. cit.* P. 29–48; *Jacek Kugler and Marina Arbetman*. *Choosing Among Measures of Power: A Review of the Empirical Record* // J. Stoll and Michael D. Ward. *Op. cit.* P. 49–78.
2. *Hans Morgenthau*. *Politics Among Nations*. 4th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1967. P. 106–158.
3. *Knorr K.* *The War Potential of Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1956.
4. Цит. по: *Ashley J. Tellis et al.* P. 26.
5. *Ibid.* P. 27.
6. *Mohammad Reza Hafeznia, Seyed Hadi Zarghani, Zahra Ahmadipor and Abdelreza Roknoddin Eftekhari*. Presentation a New Model to Measure National Power of the Countries // *Journal of Applied Sciences*. 8, 2008. P. 230–240.
7. *Mohammad Reza Hafeznia*. Emerging Perspective of the World Geopolitical Structure // *Geopolitics Quarterly*. V.6. No. 4. Winter 2010. P. 1–6.
8. *Geopolitics and the Measurement of National Power*. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Fakultät Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, Fachbereich Sozialwissenschaften der Universität Hamburg vorgelegt von *Karl Hermann Höhn* aus Wiesbaden Hamburg, 2011 // Tag der mündlichen Prüfung: 16. Januar 2013.
9. Цит. по: *Karl Hermann Höhn*. P. 129.
10. *Cline, Ray S.* *World Power Assessment: A Calculus of Strategic Drift*. Boulder: Westview Press, 1975.
11. Цит. по: *Karl Hermann Höhn*. P. 117.
12. Цит. по: *ibid.* P. 122.
13. Цит. по: *ibid.* P. 139.
14. *Tellis A., Bially J., Layne C., McPherrson M.* *Measuring National Power in the Postindustrial Age*. *Analyst Handbook*. 2000. 58 p.
15. *Treverton G. & Jones S.* *Measuring National Power*. Rand. 2005.
16. *Treverton G. & Jones S.* *Measuring power: how to predict future balances* // *Harvard-International-Review*. URL: <http://www.freepatentsonline.com/article/Harvard-International-Review/133706587.html>.
17. ИГ-сценарии. № 10 (19). 11.09.1997.
18. EIR. 09.02. 2007.
19. *Virmani A.* *Propelling India from Socialist Stagnation to Global Power* // *Growth Process*. Vol. I (Policy Reform. Vol. II) / Academic Foundation. New Delhi, 2006.
20. *Virmani A.* *Global and Asian Balance of Power: Building Institutions for Peace*. Presentation at China and India Sustaining High Quality Growth. New Delhi. March 19–20, 2012.
21. *Basu K., Supriyo De, Rangeet Ghosh and Shweta*. The evolving dynamics of global economic power in the post-crisis world: Revelations from a new Index of Government Economic Power. URL: <http://www.kaushikbasu.org/Index%20of%20Government%20Economic%20Power.pdf>.
22. Цзефанцзюнь бао. 26.05.2014.
23. *Дин Фэнцзюнь*. Цзунхэ голи лунь — 2000 нянь вого гоцзя фачжань чжаньлюе чуи: [О комплексной национальной мощи — предварительные предложения по стратегии развития Китая до 2000 года]. Сюешуцзе дунтай. 1987. № 6.
24. *Хуан Шофэн*. Цзунхэ голи лунь: [О комплексной национальной мощи]. Пекин, 1992.

25. *Цзя Хайтао*. Чжунго цзунхэ голи пингу цзи шицзе паймин. Лилунь, сянши цзи цзэпин гунши: [Оценки и место в мире совокупной национальной мощи Китая. Теория, реальность и формулы вычисления] // Наньцзин лигун дасюе сюэбао. Шэхуэй кэсюэ бань. Т. 25. № 5. Окт. 2012.
26. *Хуан Шофэн*. Гоцзя шэнхуай лунь: [О расцвете и упадке государств]. Чанша, 1996.
27. Шицзе чжюа гоцзя цзунхэ голи бицзяо яньцзю: [Сравнительное исследование совокупной национальной мощи важнейших государств мира]. Чанша, 1996.
28. Там же. С. 2.
29. Результаты исследований Чэнь Ша, Юн Фэна и Чэнь Ина опубликованы в книгах: 2020 ды Чжунго: [Китай в 2020 году] / отв. ред. Ли Чэнсюнь. Пекин. 1999; Дэн Сяопин лилунь юй шицзе чжи цзюа ды Чжунго гоцзи чжаньлюе: [Теория Дэн Сяопина и международная стратегия Китая] / отв. ред. Тэн Тэн. Пекин, 2001; а также в статье: *Чэнь Ша*. Жибэнь юй шицзе чжюа гоцзя цзунхэ голи бицзяо: [Сравнение совокупной национальной мощи Японии и других важнейших государств] // Ляован. 20.08.2001.
30. См.: там же.
31. *Ван Лин*. Шицзе чжюа даго цзунхэ голи бицзяо: [Сравнение совокупной национальной мощи важнейших мировых держав] // 2006 нянь: цюаньцю чжэньчжи юй аньцюань баогао: [Доклад о глобальной политике и безопасности] / отв. ред. Ли Шэньмин и Ван Ичжоу. Пекин, 2006.
32. *Easton Ian*. China's Deceptively Weak (and Dangerous) Military // *The Diplomat*. 2014. January 31.
33. China's military rise. The dragon's new teeth // *The Economist*. 07.04.2012.
34. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China / Office of the Secretary of Defence. 2014. P. 33.
35. *Dyer G*. US v China: is this the new cold war? // *Financial Times*. 20.02.2014.
36. *Etzioni A*. Who Authorized Preparations for War with China? // *Yale Journal of International Affairs*. 12.06.2013.
37. *Krugman P*. Hitting China's Wall // *N.Y. Times*. 18.07.2013.
38. Достаточно вспомнить книгу Гордона Чана «Грозный коллапс Китая». (*Chang, G. The Coming Collapse of China*. New York, 2001.)
39. *Friedman G*. Recognizing the End of the Chinese Economic Miracle // *Geopolitical Weekly*. July 23, 2013.
40. *Roach S*. Long live China's slowdown // *Caijing*. 02.05.2013.
41. *Rosen D., Snyder N*. China's outlook — now and in 2020 // *Rhodium Group*. 08.08.2014.
42. U.S. Vs. China: Battle To Be The Largest Economy // *The World Investopedia staff*. 20.03.2013.
43. *Си Вэньцзин, Му Сэнь, Ма Ли*. Гуансхой гоцзя цзинчжэнли чжишу яньцзю: [Исследование индексов генерализованной виртуальной конкурентоспособности государств] // Гуаньши сюэсы цзинцзи яньцзю. 2014. Т. 5. № 3.
44. Согласно расчетам американского политолога У.Ферриса, в середине XIX века по размерам национальной мощи в мире лидировала Великобритания. Немного отставала Россия, а за ней следовала Франция. США отставали от лидеров более чем вдвое. В конце XIX — начале XX века на 1-е место вышла Россия, несколько опередив Великобританию, а США приблизились к Франции. В 1930 г. СССР (Россия) потерял половину своей национальной мощи, а США выдвинулись на 2-е место. После Второй мировой войны к 1960 г. первенство США становится неоспоримым, 2-е место прочно занимает СССР. (*Ferris W.H. The Power Capabilities of Nation-States: International Conflict and War*. 1973).